

Даша Гагарин

БЕРЕМЕННА АНГЕЛОМ

сборник
рассказов

Даша Гагарин

Беременна ангелом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17853973

ISBN 9785447458515

Аннотация

«Я любила Пушкина, Бунина и Толстого, а трахалась с Петей, от которого вечно воняло луком» – Даша Гагарин. В острых, словно чилийский перец, искрометных миниатюрах молодой писательницы раскрывается сложный, порой циничный вплоть до помутнения рассудка внутренний мир современной женщины. Это легкое и смешное чтиво не рекомендовано детям, беременным женщинам и людям со слабой психикой.

Содержание

Предисловие	5
К чему приводит анальный секс	10
Любовь	12
Я кончила	13
К чему приводит увлечение сайтом со свободной публикацией литературных произведений	16
Иди за белым Толиком...	19
Молодость моя	25
Бред сивой кобылы	32
Беременна Ангелом	38
Человечное влагалище	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Беременна ангелом сборник рассказов Даша Гагарин

© Даша Гагарин, 2016

Редактор Саша Петрова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Если вам в магазине продают сигареты и водку, и вы все это покупаете, скажем, вечером в пятницу, то смело можете читать этот сборник, хоть по одиночке, хоть вместе со своим сексуальным партнером. Это конечно не немецкая порнуха без перевода, и вряд ли принесет вам такое же эстетическое наслаждение. В этом сборнике есть разные нецензурные слова и даже словосочетания. И если какой-нибудь англоязычный переводчик с седыми волосами на груди стал бы адаптировать эти слова на свой буржуазный манер, то, мне кажется, это бы звучало не иначе как «Fuck». В некоторых местах как «fuck you». В свою очередь это же идиоматическое выражение, трансформируясь с английского обратно на русский, приобрело бы уже иной колорит и звучало бы как «ты меня не понимаешь». И то, и другое плохо, одно не этично, другое не эстетично. Так что никаких «fuck you» и «ты меня не понимаешь» в этом аутентичном тексте вы не найдете.

Вообще-то, я не писательница. Я не люблю писателей, писательниц, многотомных поэтов, суперпевцов, слащавых художников с каре и козлячей бородкой, напыщенных, словно индюки, менеджеров обоих полов. Я вообще не люблю людей. И в отличие от Шопенгауэра собак я тоже не люблю.

Волею судеб получилось так, что я взяла свою гусиную клавишу, макнула ее в чернила и принялась писать. Вся моя пи-

санина – это акынское брэнчание на двух струнах, что вижу, то пою. Одна палка, два струна – я хозяин вся страна. Вот что-то в этом духе, плюс немного, с комариную соплю фантазии, и выходит из-под моей клави.

А все началось с того, что ко мне ввалился пьяный Тузиков и принес с собой бутылку текилы. Первым делом он забрался в туалет и, не закрывая двери, стал громко мочиться. Он мочился довольно долго, без всякого перерыва на обед и сон. И во время этого моциона Тузиков, качаясь из стороны в сторону, держась, словно за поручень, за свое хозяйское добро, посвятил меня в дела литературоведческие. Он рассказал мне про сайты со свободной публикацией литературных произведений. Оказалось, что этих сайтов, как дерьма от недорезанных собак, очень много. И на одном из таких сайтов Тузиков получил массу хвалебных отзывов и еще чего-то там, чего я не поняла.

Пока он ссал и нес мне эту ахинею про сайты, я успела изрядно проголодаться.

Затем, сделав все свои дела в моей уборной, он затащил меня в интернет и там пытал, заставляя смотреть эти сайты и читать то, что на них размещено. При этом восхищение его было настолько велико, словно бы там собрались одни Хемингуэи, и он один из них. Десять тысяч Хемингуэев меня ужасно напугали, после трех рюмок Тузиковского пойла под закуску – рассмешили, а под конец бутылки заставили плакать.

– Ты хочешь в наш отряд? – заговорщически спросил меня Тузик.

– Хочу, – решительно ответила я, – но не настолько сильно, чтобы жрать землю.

– А надо настолько... – опечаленно пробормотал Тузиков.

Клясться и жрать землю, слава богу, не потребовалось. Всю ночь Тузиков посвящал меня в Хемингуэи и под утро все ж таки посвятил. Спасибо ему за это. А вечером, после того как он ушел, я написала свой первый рассказ и выложила его на подобный сайт. Просто у меня не оставалось иного выбора, неужели же я зря проходила эту утомительную процедуру посвящения. Однако и там оказалось не все гладко, сначала мне нужно было зарегистрироваться. Опять же спасибо музам за то, что при регистрации Хемингуэи не требовали от меня паспортных данных. Я ломала голову под каким бы ником зарегистрироваться. Было мне после бессонной ночи, дешевого попойки и утомительного ритуального бормотания в ухо изрядно хреново. Болело все, начиная от головы до... Тузиков, по всей видимости, был магистром ложи свободных Хемингуэев. Однако, я стойко выдержала обряд посвящения. И вот вечером этого бесконечного дня у меня болело все, и было мне очень хреново.

И тут в моем воспаленном сознании вспыхнул образ Гади Петрович Хреново, ну я и зарегистрировалась. И пошло-поехало. Не часто, но я что-то писала, выкладывала на сайт под этим ником. Это было своего рода духовное испражнение.

А затем Гадя утонула в нечистотах читательской критики. Я не стала ее воскрешать. Взамен появилась иная девушка, и я назвала ее Даша Гагарин.

Кто знает, быть может в один прекрасный момент ее место займет другая или другой персонаж моего воображения.

А пока первый сборник рассказов – плоды моих духовных испражнений аж за несколько лет. В этом сборнике вы не встретите философских доктрин, душтрепательных любовных историй, лихо закрученных детективных сюжетов, быть может и литературы там нет ни на грош.

Мне вдруг вспомнилась одна история, произошедшая со мной. Тузиков, прочитав несколько моих рассказиков, даже похвалил меня. Он сказал, что я молодец и должна продолжать трудиться.

– Труд облагораживает! – произнес он возвышенно.

Выразительное лицо его в этот момент словно бы говорило мне – посмотри, как этот труд облагородил меня. Однако, каков бы ни был труд, запах потных носков и дешевого табака никому еще не добавляли благородства. Дурно пахнущее благородие определил мой жанр как постмодернистский экзистенциализм. От этих слов мне чуть не поплохело. Для моего общего развития магистр логи свободных Хемингуэв написал список величайших авторов, которых я непременно должна прочесть. Конечно же многое из того, что он там написал, я читала. Но были некоторые имена, с кем мне еще не довелось познакомиться к тому времени. И вот я при-

шла в книжный магазин и попросила продавца посоветовать, что мне прочитать из Жана Поля Сартра. Он так профессионально окинул меня взглядом и глубокомысленно произнес:

– Я бы вам, девушка, вообще не советовал читать Сартра.

По этой самой причине Жан Поль Сартр остался для меня в стороне, однако же Жан Соль Партр глубоко засел в моей душе. К чему это все, сама не знаю.

Вступительное слово получилось какое-то сумбурное, впрочем, как и большинство рассказов, вошедших в этот сборник.

Я хочу сказать огромное спасибо всем, кто поддержал литературные потуги маленькой девочки Гади Петрович Хреново, а затем и Даши Гагарин. Многих из тех, кто читал мои произведения в электронном виде и писал мне различные отзывы, я увы не знаю. Им всем спасибо. Они откликнулись, и это дало мне сил и энтузиазма продолжить начатое. Отдельное спасибо моим литературным подругам: Аленке Городецкой, Соне Янсон, Иштар Викторовне и уж совсем отдельное и огромное преогромное спасибо Саше Петровой.

И конечно же спасибо всем моим друзьям и знакомым, без которых ничего бы этого не было.

В глубоком реверансе, Даша Гагарин

К чему приводит анальный секс

У морского змея были большие уши, но речь не о нем. Молодой девушке всегда сложно разобраться, кто есть кто.

Я любила Пушкина, Бунина и Толстого, а трахалась с Петей, от которого вечно воняло луком. Петя каждую ночь склонял меня к анальному сексу, а мне ужасно это не нравилось. Я ему говорила:

– Петя, трахни себя в жопу и узнаешь что это такое.

Петя обижался, убегал на кухню, пил водку, слушал Вилли Токарева и оставался там спать. На следующую ночь все повторялось заново.

Как же меня заебал этот ночной Вилли Токарев, я не выдержала, попросила приятеля Толю, чтобы он подкараулил Петю и трахнул его в задницу. За это Толя трахнул меня, потом мою любовь – Петю. Месяц Петя не ходил на кухню и не слушал Вилли, только пил и плакал. Я его как могла утешала, пела ему голая песни, носила водку, показывала фокусы, даже стихи читала и сказку про Буратино. Буратино заставлял его отвлечься от грустных дум. Прошел месяц, и Петя существенно изменился.

Я стала замечать, что никакой, даже анальный секс со мной ему уже не нужен. Ночами, отвернувшись к стенке,

он утратил пагубную привычку храпеть и приобрел новую, более мерзкую и отвратительно пахнущую, он стал пукать. А вчера он сказал мне, что любит другого человека.

И когда я поинтересовалась, кто она, Петя сказал, что это Толя.

Все-таки Пушкин, Бунин и Толстой – это классика. Я отпустила Петю, не могу же я жить с педерастом.

Любовь

Все что нужно девушке от жизни – это любовь. Я всегда ношу в своей сумочке пару презервативов на всякий случай. Мы ведь совершенно не знаем где и как встретим свою любовь. Она может прийти неожиданно-негаданно. Бац! и вот она уже пришла; бац! бац! повернулась на бочок и захрапела, проснулась и ушла.

Я кончила

Облака плыли по потолку. Из-за тучки выглянул медведь и улыбнулся мне в ответ. Я кончила в третий раз, закурила и расправилась с бутылкой вермута. Вермут был на редкость приторным, как Сусликов, читающий вслух свои антиглобалистские стихи. От суммы этих приторностей и совершенного изнеможения мне вдруг стало плохо. Я успела добежать до туалета и приподнять крышку унитаза, полбутылки приторного Сусликова стремительным домкратом вытошнилось из меня. Я стерла с пола ногой расплескавшиеся крошки антиглобалистских стихов и, нажав на рычажок, смыла неусвоенного Сусликова к ебням собачьим в канализацию.

Дойдя до бара, я обнаружила там бутылку абсента, непотчатый флакон приторного Сусликова, водку Абсолют, две бутылки вина, какую-то иноземную гадость, типа шкалик кальвадоса и бульбулятор, подаренный мне Флобером на юбилей нашего спаривания. Признаться, спиртное в меня уже не лезло. Я взяла бульбулятор, поскребла по сусеками и раскопала-таки среди прочего непотребного дерьма полкоробка потребного дерьма.

Голая, сидя на облаке в позе лотос, я учила тупо улыбающегося медведя медитировать. Этот косолапый придурок совсем никак не поддавался дрессировке. Он лишь искоса поглядывал на мои груди и сосал лапу.

Я злилась на него.

– Не суй, ты, Миша, в рот всякую микробную каку, – угрозила я ему пальцем, – слушай и повторяй за мной. Ом мани падме хум.

Но Миша лишь мычал, как корова, и сосал свою волосатую лапу.

Да, подумала я, таким способом просветлить Мишу мне не удастся.

– Не быть тебе, косолапый, Буддой, так и сдохнешь темным припизднутым полуебком, не познавшим радости жизни и никогда не станешь просветленным полярным медведем.

Миша вытащил изо рта лапу и заплакал, как Таня, потерявшая мячик.

Мне стало ужасно жалко бедолагу.

– А хочешь, я научу тебя заниматься онанизмом!

И тут я увидела блеск в его глазах. Ничего не выражающие глаза зверя вдруг наполнились сократовской мудростью и неподдельным любопытством физика экспериментатора.

– Хочу, – сказал Миша и пустил слюну.

Мы кончили вместе.

– Спасибо, – сказал Миша и растаял в серости потолочного облака.

Я курила когда из-за туч на мою кровать спустились разнообразные звери, каждой твари по паре.

Они окружили меня, как дети Бонифация. Звери сидели

молча, наблюдая, как я курю. Я докурила и затушила окуроч.

– Научи их тоже, – робко, смотря на меня умоляюще, попросил Миша.

Я кончила в пятый раз.

– Спасибо, – сказали звери и удалились, по всей видимости, трансформировать полученные теоретические знания в практические навыки.

Я проснулась от телефонного звонка. За окном был погожий денек и солнышко ехидно улыбалось, ощупывая меня ультрафиолетовыми щупальцами.

– Ало, кто это? – заспанным голосом, спросила я.

– Это я Сусликов, – бодро отрапортовал Сусликов, – чем занимаешься?

– Вообще-то спала, а чего? – Недовольная тем, что меня потревожили, ответила я ему.

– Пойдем в зоопарк? – прощепетал, словно соловей в брачный период, Сусликов.

– Иди в пизду, – только и нашла что сказать и повесила трубку.

Я зевнула, потянулась, выкурила сигарету, плюнула в солнце, спустя некоторое время кончила в шестой раз и подмигнула улыбающемуся мне с потолка Мишке.

К чему приводит увлечение сайтом со свободной публикацией литературных произведений

Верблюды. Долгие, апатичные, как Блез Паскаль. Все бредут и бредут. Поднять паруса кораблям пустыни! Корабли пустыни усталые и хотят пить.

Ну когда же будет Новый год и я смогу потанцевать с Тузиком? У Тузика выразительные усы и печальный взгляд тузика. За все это я назвала его мой Тузик. У моего Тузика липкий шершавый язык. Мой Тузик не любит алкоголь, пьяных истеричных баб, блох и Маяковского. Мой Тузик любит Интернет-сайт со свободной публикацией литературных произведений, участников этого сайта, себя, как участника этого сайта, и, по какой-то не понятной для меня причине, меня, не любящую сайт со свободной публикацией литературных произведений и участников этого сайта. Тузик говорит, что у меня красивая грудь и правильная форма ушей. Тузик очень мудрый, он носит шляпу и ненавидит Макдональдс, читает Кортасара и «Незнайку на луне». Тузик старше меня на две жизни и три с половиной года. Я не разделяю тузиковского увлечения сайтом со свободной публика-

цией литературных произведений, все это плохо отражается на его психике. Он буквально одержим этим сайтом. Публикации в нем Тузик использует как руководство по опытам над собой и объектом своего обожания, то есть мной. То он пытается привить мне благородные манеры настоящей леди, рассказывая как я должна правильно мочиться, то разденет меня, перевернет на живот, чего-то там кряхтит, сопит, а потом кончает мне на спину с криками – «я гений». Порой сидит всю ночь в своем долбанном сайте, а под утро, когда у меня самый сон, забирается в постель, отодвигает одним пальцем мои трусики и проникает в меня другим. Просто кошмар какой-то, не знаю что бы на это сказал доктор Курпатов, но мне кажется он бы, как и я, не одобрил тузиковского увлечения сетевой литературой.

Недавно Тузик предложил завести хомячка.

– Боже правый, – сказала я, – покажи мне этого автора, который глумится над бедными хомячками, и я напишу ему ругательную рецензию.

Тузик обиделся и сочинил стихотворение, которое опубликовал на своем любимом сайте. Там его похвалили и даже позавидовали его таланту. Тузик сразу повеселел и предложил отметить свой успех.

– У меня на счету 800 баллов и 37 место в рейтинге популярности, – с гордостью оповестил Тузик.

Хомячка Тузик заводить не стал, ему захотелось иного развлечения. Напившись в хлам, он вытащил из-под кровати

электрический насос от надувного матраса и предложил мне доказать свою любовь.

– Я хочу тебя надуть, – сказал он, – до размеров лошади.

Я поняла что Тузик вконец ебнулся со своим долбаным сайтом и выгнала его на хрен.

– Выпей йаду и убей себя об стенку, животное, – бормотал Тузик, завязывая шнурки. – Соси хуй, – сказал он уходя, обвинив меня в тупоумии, бездарности, пошлости и пренебрежительном отношении к тем великим сетевым современникам, чьи светлые произведения останутся в веках.

Вот так я снова осталась одна со своим задроченным мишкой и желанием земной любви. Корабли пустыни идут на хуй вместе с Тузиком и его энергичными танцами. Встречу Новый год одна.

Иди за белым Толиком...

Иди за белым Толиком, – прочла я на экране монитора когда очухалась.

– Где мне взять белого Толика? – спросила я у монитора.

– Не знаю, – ответил монитор, – где хочешь.

– Кто ты? – спросила я у монитора.

– Ты че дура? – ответил монитор, – я монитор.

– Кто такой белый Толик и куда я должна за ним идти, и зачем мне за ним идти?

– Я монитор, – ответил монитор, – я ничего не знаю кроме того, что я монитор.

Вдруг на экране монитора появилась дверь, и в нее кто-то постучал.

Я собиралась спросить: кто там? Но побоялась наткнуться на стандартный ответ монитора. Я промолчала. В дверь постучали еще раз.

И тогда я собралась с мыслями и сказала:

– Кто бы ты ни был: добрый поэт с плохо пахнущими ногами или злая чемпионка по произношению скороговорок, говорящий хомячок или большой фаллический символ в пальто, я не хочу тебя видеть, убирайся прочь!

Дверь скрипнула и открылась, белый свет, вырвавшийся оттуда, обеспокоил меня. Боже мой, какой же белый и чистый он был, мне вдруг нестерпимо захотелось его понюхать.

Я медленно, как удав, стала приближать свой носик к этому снежно-нежному... и вдруг, в этой ослепительной белизне я увидела, что снежное-нежное разбодяжено каким-то дерьмом. Приблизившись практически вплотную к монитору, я ясно увидела каким дерьмом разбодяжили мой белый свет. Этим дерьмом были пять букв, всего только пять, но и этого было достаточно. Теперь я знала, куда мне следует идти. И я пошла за белым Толиком.

Я не сразу поняла где оказалась. Все было странно и непонятно.

Где я? – чуть было не спросила я себя. И вдруг до меня дошло. Я в мониторе. Славно, подумала я. Бывает же такое, первый раз в жизни я почувствовала, что моя природная скудость не вышла мне боком. Как хорошо, что я пожалела денег на плоский монитор, а не то как бы меня сейчас сплющило. Слегка попривыкнув к необычной обстановке внутри своего монитора, я поняла, что сижу и смотрю на экран другого. Должно быть этот монитор принадлежит Толику, сделала я подобное заключение. Я посмотрела на этот монитор сбоку и кровь застыла в моих жилах: он был плоский. Долго пялясь в плоский монитор Толика и ожидая непонятно чего, я задремала. И приснилось мне, что я курю сигарету и пялюсь в плоский монитор Толика. Станный сон, подумала я проснувшись и принялась дальше пялиться в плоский монитор Толика ожидая непонятно чего. Сколько это продолжалось, сказать затрудняюсь, в моем мониторе со временем де-

ла обстоят еще хуже, чем в космосе. Вдруг у Толика в мониторе появились какие-то геометрические предметы, они стали стремительно падать друг на друга. Тетрис – догадалась я. Толик хочет мне навязать свою игру, не обязательно быть профессором психологии, чтобы додуматься до этого.

– Толик! – как можно строже сказала я, – вы и ваша магическая игра в свете последних компьютерных достижений безнадежно устарели. С вашей стороны, верх неприличия на первом свидании вот так сразу настоятельно предлагать порядочной девушке сыграть в тетрис. И кто вы вообще такой и что себе позволяете?

– Я плоский монитор, – ответил мне плоский монитор, – я ничего не знаю, кроме того, что я плоский монитор.

Вдруг на экране плоского монитора появился разноцветный банер.

«Вход здесь».

Чем же, чем же мне на тебя нажать? На столе, кроме монитора, ничего не было: ни клавиатуры, ни мышки, ни кошки, ни внучки, ни жучки. Я ткнула пальцем и провалилась куда-то. Долго летела и махала руками, страшно боясь разбиться, сердце мое стучало, как очень страшно стучало, но спустя некоторое время все вошло в норму. Меня не расплющило, это радует. Я все летела. «Вот так залетела» – подумала я и засмеялась. А потом вспомнила анекдот и уже совсем засмеялась, летела и смеялась. Потом почему-то вспомнила фильм «Титаник» и разревелась как ду-

ра; лечу, реву, слезы, сопли, ужас. Проревелась, искала носовой платок, не нашла, высморкалась в кулачок. Лечу, держу в кулаке сопельки свои. А куда их? Устала держать, но и выбросить нельзя, не хорошо, не культурно, вытерла об себя, пока никто не видит. Ну вот все в порядке, привыкла уже, лечу себе, лечу. Монотонно все как-то, однообразно, ничего не происходит, лечу, лечу. Уснула. И приснился мне сон, что я курю сигарету и пялюсь в плоский монитор Толика. Станный сон, подумала я, проснувшись. После зарядки я принялась мечтать.

Вот приземлюсь, выйду замуж, рожу ребенка, назову его Славиком, а если родится девочка, назову ее Леночка. Муж меня будет любить, купит мне машину, и я буду ездить на дачу. А под Новый год мы будем наряжать елку и класть под нее подарки. А под бой курантов пить шампанское и загадывать желания. И я загадаю себе что-нибудь полезное, малокалорийное. И тут мне вдруг стало грустно-грустно, я вдруг подумала, что должно быть уже пролетела с Новым годом. Там, откуда я, должно быть уже весна, птицы поют, травка цветет, писькины дела актуализируются, любовь цветет сиренью белоснежную, а я все, блять, за Толиком гонюсь. Стоп! – сказала я себе, – скоро от соплей блеснуть начну. И тут вдруг мой разум посетила прескверная мысль о физиологических процессах человеческого организма. Нет, сука, Толик, хоть я и приличная барышня, но это я на себя мазать не буду. По всей видимости Толику нравился его мони-

тор и он сделал так, что эта мысль куда-то затерялась, а я продолжила свой утомительный полет, погруженная в бытовые думы о евроремонте. Какое уютное гнездышко я вылепила, не прибегая к помощи ни дизайнеров, ни гастарбайтеров, все сама. И обои сама поклеила, и плитку положила, и специально ездила на подаренной мужем машине в Икею закупаться. Обставила и обделала все по последнему пisku моды. Хожу по комнатам, душа радуется. Пошла в ванную, там пол плиткой выложен с подсветкой и подогревом, кругом зеркала, свет приглушенный. Разделась, глянула на себя в отражение...

– АААААААААААААА..... – заорала во все горло. Лечу, руку себе подмышку сунула, – АААААААААААААААААААААААА! – Скользнула в трусики – АААААААААААААААААААААААА....

– Толик, – запричитала я, – сжался, урод окаянный, я всеж-таки девушка, я не могу так, вся ведь мхом обросла уже, так глядишь и вошки скоро заведутся в лесах моих дремучих.

По всей видимости Толик сжалился.

Иди за белым Толиком – прочла я на экране монитора когда очухалась.

Пялясь в непонятно чей монитор, сама находясь при этом непонятно в чем, разглядывая свои обкусанные, обломанные ногти на длинных тонких пальцах, лежащих на грязной клавиатуре, я бегло напечатала:

– Чего тебе надобно от меня, белый Толик, отпустил бы ты меня, зачем я тебе?

Ничего на это не ответил Толик.

Делать нечего, так тому и быть. Но, перед тем как отправиться неизвестно куда, хочу оставить пару строк тем, кто наткнется на это послание.

Не ходите за белым Толиком, лучше сделайте евроремонт.

Молодость моя

Я не ходила в детсад как все девочки и мальчики, и очень от этого страдала. У меня была своя личная домомучительница. Она меня мыла в ванной, заплетала косички, учила читать и давала вразумительные советы. От нее я узнала, что пить спиртное и спать с мальчиками – это плохо, от этого можно заболеть и умереть. И еще, что говорить неправду – это практически то же самое, что пить спиртное и спать с мальчиками. Как бы там она ни говорила, я все-таки, уловив момент, попробовала, привезенный мамой с гастролей, ликер. Мне не показалось это вкусным или противным. Я на миг почувствовала себя взрослой, только и всего. Уже в старших классах школы, я практически каждый день понемножку ощущала это чувство. Рядом со мной за партой сидел мальчик по фамилии Чижииков. Пьер в отличие от меня учился на одни тройки и даже двойки, но это ему совсем не мешало помогать мне на уроках и тем более после. Он то и дело говорил мне всякие гадости. Когда Федор Степанович рассказывал нам о трудной и нелегкой судьбе Настасьи Филипповны, Чижииков на ухо шептал мне – мастурбация, пенис, влагалище – и прочую мерзость. Однажды Чижииков заявился ко мне домой с просьбой о помощи в подготовке по литературе.

– Ты прочитал Анну Каренину? – сразу спросила я Чижи-

кова.

– Нет, – ответил Чижилов, ковыряясь в носу, – мне это неинтересно, скучно и пресно.

– Ты что, ты что, – замахала я на него руками, – там чувства, любовь, там, все сразу.

– Дура ты, – равнодушно произнес Пьер и достал книжку из рюкзака, – вот где все сразу, прочти.

Я взяла в руки книгу и прочла название.

– Жюстина, Маркиз де Сад. Хорошо, ознакомлюсь на досуге, чего там такое есть. Слушай, Чижилов, у меня водка японская имеется, отчим привез, будешь?

– Саке что ли?

– Ну, саке.

– Говно наверное?

– Ты чего, не пробовал никогда?

– Пробовал конечно, но че-то так, не особо распробовал, тащи.

– Его теплым пьют.

Мы разогрели саке, напились, а потом Пьер Чижилов стал ко мне приставать.

– Чижилов, – тогда сказала я ему так серьезно, – не надо губить мою молодость, меня такую никто замуж не возьмет.

– Дура ты, – сказал Пьер, – молодость с этого и начинается.

И выписал мне бесплатную путевку в молодость. Через два месяца Пьера Чижилова и еще троих учеников выгнали

из школы, якобы за изнасилование учителя географии, но я, честно говоря, в это не верю. Как бы там ни было, я закончила школу, назло родителям подала документы в мед и поступила.

На втором курсе я познакомилась с Анжелой. Анжела не любила спиртное, предпочитая ему грибы, она читала Кастанеду, бредила Грофом и пела в группе «Феноорбитальные сны». Анжеле нравились девушки, трансперсональная психология, трава и белый порошок.

– Пока ты молода, надо жить! – выпустив из легких дым, произнесла Анжела и протянула мне косячок.

– Что же, по-твоему, я не живу что ли? – взяв косячок, возмутилась я.

– Это ты называешь жизнью? Напилась, задницей потрясла, потрахалась, а с утра на учебу. Хороша жизнь, ничего не скажешь.

– Ну и что, мне нравится.

– Ты курни и поймешь в чем разница, а потом я тебе еще кое-что покажу.

Через пятнадцать минут я лежала голая на полу, Анжела покусывала мой сосок, а я ржала, как сумасшедшая не в силах остановиться. Челюсти мои сводило от смеха, а из глаз лились слезы.

Мы подружились с Анжелой и стали не разлей вода, вместе спали, курили, ели грибы, вмазывались, ходили на тусовки, ездили автостопом в Крым, даже собирались поехать

в Мексику за кактусами, но че-то не поехали. А потом и вообще раздружились. Как-то однажды, нам было очень плохо, необходимо было чего-то взять, а денег не было, Анжела расплатилась за дозу мной. Пока меня имели, она вмазалась и поплыла, бодяга оказалась фуфлыжной и Анжела чуть не двинула копыта. Я вызвала скорую и Анжелу увезли в больницу.

Решив завязать со всей этой дрянью, я отправилась восстанавливаться в институт. Однако, обратно в институт меня уже не взяли. Я вернулась домой и месяц лежала на своем диване, глядя в потолок. Благо из домашних со мной никто не хотел разговаривать.

Мама вызвала ко мне психолога. Сначала приходил мужчина, затем его сменила женщина, но и ей не удалось меня разговорить. После психологов ко мне привели священника. Дядька весь в черном, напрочь заросший волосами, говорил мне про любовь, про то, что мы должны подумать о душе, пока она еще не погрязла во мраке плотских наслаждений и еще что-то. Я его не слушала, мне вдруг вспомнился Чижиков с его влагалищами, пенисами и прочими штучками-дрючками. Я закрыла глаза и принялась мастурбировать, когда кончила, батюшки уже не было.

На следующий день я встала, приняла душ, оделась и пошла в церковь.

Через месяц я распевала псалмы в церковном хоре, помогала бедным и навещала Анжелу в больнице,нося ей пере-

дачи.

Вскоре Анжелу выписали из больницы. Паровоз ее жизни встал на прежние рельсы и, набирая обороты, понесся под откос. Моему кораблю было с ним не по пути. Прошло довольно много времени, и я уже практически совсем забыла о существовании бывшей подруги, как вдруг она позвонила и попросила, чтобы я купила и принесла ей дозу. Она назвала адрес и имя приятеля у которого я должна буду приобрести героин.

Я принесла ей героин.

– Анжела, – сказала я, – ты должна завязать с этим, тебе нужно обратиться к Богу, во всем покаяться и он тебя простит и поможет выбраться из этого болота.

– Заткнись! – заорала она и ударила меня, – вали отсюда, святоша драная.

Я не могла не рассказать батюшке о своей подруге и о том, что помогла достать ей наркотик. Он отругал меня и строго настрого запретил встречаться с Анжелой. И когда она вновь позвонила мне, умоляя принести дозу, я отказала ей. Выслушав трехэтажную брань в свой адрес, я повесила трубку. Спустя какое-то время я узнала, что Анжела скончалась.

В церковь я больше не ходила. Глядя на людей мне хотелось блевать, дома родители постоянно меня пилили. Отчим сказал маме, что дальше так продолжаться не может, что меня нужно куда-то отправить. Родители сослали меня в Рим.

В Риме я познакомилась с пожилым поэтом, довольно со-

стоятельным старичком, с милой застенчивой улыбкой. Он решил, что моя внешность заслуживает того, чтобы сделать из меня фотомоделю. Старичок произвел пару необходимых звонков, и вот я уже стояла, лежала, крутилась, вертелась, улыбалась, грустила под пристальными взглядами фотокамер.

– Пока ты молода, хороша собой, нужно брать от жизни все, моя дорогая, – сказал мне старичок, поглаживая мою грудь, – мы сделаем так, что весь мир падет к твоим ногам.

Я снялась в двух порнофильмах и уехала обратно в Россию. На заработанные деньги купила квартиру, много спиртного и закуски. Я была молода и красива, но жить почему-то не хотелось.

Придя в себя, я выкинула все пустые бутылки, перестирала все загаженное белье, отмылась, привела себя в порядок и пошла устраиваться на работу.

– Ты с ума сошла, – спросил меня главврач, – зачем тебе это? Ты молодая симпатичная девушка, еще и жизни-то толком не видела, а уже к покойникам тянешься. Тебе замуж надо да детей рожать и жизни радоваться, а не в морге работать.

Но мне что-то не очень хотелось радоваться. За два литра водки и пятнадцать минут секса я обрела работу в морге.

Как-то ночью на дежурстве, я разделась догола и встала перед зеркалом.

– Я красивая и молодая, – сказала я себе, – нужно поско-

рее умереть, пока я не состарилась и не превратилась в мерзкую морщинистую массу мяса.

Нужно умереть пока я еще молода.

Я выпила спирту, закурила сигарету и легла нагая на бетонное ложе.

Я вспоминала как Чижиков пел мне:

– Ты ушла рано утром, где-то чуть позже шести...

Бред сивой кобылы

Вернулся Тузик, принес мне цветы.

– Что это? – спросила я.

– Цветы, – ответил Тузик.

«Он купил их в цветочном магазинчике неподалеку от моего дома Директор магазина Ашот мужчина средних лет кавказкой национальности ну и вида соответствующего приехал в этот город семь лет назад на похороны своего старшего брата от которого ему по родству и достался этот магазин вместе с двумя прелестными продавщицами Светой и Леной Тетя Света сорокапятилетняя грузная женщина с короткими руками и добродушной улыбкой являлась главным консультантом и продавцом цветов От нее всегда веяло какой-то печальной добротой и запахом конской мочи разлитой по флаконам с надписью Chanel №5 Муж тети Светы бывший железнодорожник отмечая свой профессиональный юбилей так напился что попал под поезд и ему отрезало ногу Машинист поезда Константин Григорьевич остановил поезд и поспешил на помощь пострадавшему А пострадавший матерился на чем свет стоит и требовал разыскать его ногу Помощник машиниста Петя отыскал ногу мужа тети Светы и отдал ее ему Бригадир железнодорожников вместе с железнодорожниками отмечавшими в этот вечер профессиональный юбилей мужа тети Светы избили до полусмерти

машиниста Константина Григорьевича Помощник машиниста Петя скрылся в неизвестном направлении но как только по мнению железнодорожников правда восторжествовала и злоумышленник машинист понес суровое но справедливое наказание появился помощник машиниста Петя и еще целая ватага раздосадованных парней с дубинами и цепями Завязалась кровавая битва В суматохе не разбирая своих и чужих кобель Палкан кусал всех кто ему попадался под морду В этом шумном месиве чья то обутая в кирзовый ботинок нога со всей своей железнодорожной силой заехала Палкану в бок и сломала два ребра Две недели пожилой пес лежа скулил смотря на небо из больших умных глаз покрытых пеленой прожитых лет капали слезы Баба Рита приносила псу еду и меняла воду в миске Баба Рита любила не только собак но и к любой божьей твари относилась с трепетом и заботой единственные кого она терпеть не могла были крысы В молодости проживая с родителями в своем деревянном доме Рита ставила капканы на крыс а после того как крыса попадала в ловушку юная Рита забивала ту до смерти молотком Так она мстила всему крысиному отродью за то что они практически полностью съели ее новорожденного братика Рита боясь подобной участи для своих детей так никогда и не вышла замуж зато завела у себя в квартире на девятом этаже семь кошек Из за невыносимой устойчивой вони соседка бабы Риты молодая и статная девушка Лена ненавидела эту старушку и ее хвостатых отродий Уютное гнездышко доставшееся

Лене от бабушки ожидало как и его хозяйка сильной мужской руки. Бывало что сильные мужские ноги и руки заходили в эту опочивальню девичьей невинности но ненадолго так как слабые мужские носы после пятиминутного вдыхания и выдыхания не выдерживали ароматного бесчинства. Сильные мужские ноги и руки разворачивались и уносили с собой те возжеленные объекты мужской гордости что являлись Лене по ночам во всей своей безнравственно манящей оголенной твердости»

– Че надо, Тузик?

– Любовь стучится в моем сердце, мне плохо без тебя, пойми. Ну я, это, у тебя там читатели, отзывы всякие.

– Узрел среди дерьма алмаз, решил попользоваться всласть?

«Больше всего в жизни Лена ненавидела резкие запахи кошек бабу Риту дурно пахнущего главного консультанта и продавца со своей работы начальника весь мир и саму себя. Больше всего в жизни Лена хотела выйти замуж по этой причине ни один зашедший в магазинчик где она работала даже самый заваливающийся уродец мужского полу не оставался без ее внимания. Николай коротко стриженный мужчина с большими усами и картофельным носом повстречался на жизненном ленином пути за два месяца до прихода Тузика. Я очень одинок сказал он обращаясь к Лене мне незнакомо чувство любви а из цветов мне нравятся подснежники они напоминают обнаженное женское тело. Николай жил

с мамой работал программистом в небольшой фирме состоящей из одиноких мужчин Как-то раз они пошли в ресторан отмечать Новый год Изрядно напившись мужчины договорились продолжить встречу Нового года на квартире у одного из сотрудников Захватив с собой вина и закуски они завалились в трехкомнатную квартиру Павла Андреевича и устроили пир Мы хорошо поработали в этом году произнес вместо тоста Павел Андреевич директор их фирмы предлагаю выпить и заказать двух или трех проституток фирма платит Возражающих не было сказано сделано Приехал помятый лысый сутенер забрал деньги и оставил Карину и Сабрину Карина после школы хотела стать артисткой она даже пробовала поступать но провалилась Но так как она была упорной девочкой и добивалась своего любыми путями вскоре ей выпал шанс и она познакомилась с одним известным продюсером потом с другим менее известным затем и с вовсе начинающим а уж потом с кем попало вплоть до мойщика окон Мойщик окон был увлечен современной литературой он писал много и часто выставляя свои покрытые налетом сексуально неудовлетворенной извращенности произведения на всеобщее обозрение в различные литературные сайты Он даже пробовал носить свои великие творения в печатные издания но всюду получал отказ Как-то раз мойщик стекол пришел в редакцию молодежного литературного журнала это мои стихи сказал он и они не просто хороши они превосходны Хорошо сказал помощник из-

дателя молодая симпатичная девушка в белой просвечивающей футболке взяв рукопись мойщика стекол Ах как бы я ее трахнул подумал мойщик я бы затрахал ее до изнеможения Читая стихи мойщика и вздыхая через каждое четверостишие помощник издателя не сдержавшись произнесла в слух Боже ну как можно читать этот бред всякий умеющий рифмовать мнит себя поэтом а если у него еще и пенис в штанах то думает что может трахнуть меня до изнеможения Какая речь Лидочка сколько патетики сказал смотрящий в окно издатель Я думаю что я смог бы вас трахнуть до изнеможения Валентин Михайлович ну вы же Что плохие стихи Это не стихи это бред какой-то детский лепет а вот ваши стихи я даже наизусть помню Плыл месяц май лилась вода и ты ждала меня раздетой и я пришел к тебе тогда мужчиной и ушел с рассветом Боже боже сколько лирики сколько чувства сколько Вы хотите сзади надо бы дверь закрыть Читайте мне меня двигая телом приговаривал Валентин Михайлович В это время дверь отворилась и вошла уборщица со шваброй Что вам грозно сказал издатель на ковер не кончайте я устала отскребать потом ладно попозже зайду Уборщица тридцати двух лет отроду никогда нигде не работала в свою бытность она была хиппи и курила марихуану Один из числа ее многочисленных партнеров заделав ей ребенка уехал на гастроли и там умер от передозировки наркотиков Он играл на электрогитаре в популярном виа-ансамбле они пели исключительно о любви и цветах и любили практически всех

не брезгуя ничем и поэтому у них часто случались различные половые болезни и еще они любили наркотики и алкоголь бунтарскую поэзию и произведения Толкиена»

– Тузик, а тебе нравятся произведения Толкиена?

Тузик, не задумываясь, ответил:

– Конечно нравятся, а что?

– Да ничего, ты разве не знаешь к чему приводит увлечение наркотиками?

– А причем здесь это?

– Надоел ты мне Тузик со своим сайтом, иди на хер.

И я его опять выгнала.

Беременна Ангелом

Шел 26 ой день весеннего месяца апреля. Солнце проснулась в 5 часов 59 минут. Дождя не было, но небо было затянуто кучевыми облаками на 70%.

Я, как обычно, грустила, всякая препротивная мерзость лезла мне в голову.

Почему-то я подумала об ангелах, мне дико хотелось курить, а табак весь закончился. И вот мой мозг, страдающий отсутствием никотина, заставил меня подумать об ангелах. Я, признаться, не знаю почему он заставил меня о них задуматься, но раз уж так вышло, делать было нечего, и я-таки задумалась. Я почему-то страшно испугалась, имея в своей копилке знаний небольшие научные вклады на их счет. Однако общее представление имелось.

И тут я подумала. Еще вчера меня не могли родить, а уже сегодня я распеваю Марсельезу.

В поисках счастья я оббегала все магазины, ночные клубы, казино, отели и пляжи. Встречалась с Колей, изменив ему трижды с Юрой, бросив Юру, увлеклась Толей, переспала с Мишей, предпочла его Славе, занимаясь любовью с Андреем, слушала группу «Звери», убежала к оперному певцу Сергею с маленьким музыкальным инструментом, сменила его на сумасшедшего поэта, исполнявшего мне свои песни в сопровождении шестиструнного инструмента и всякий раз

спрашивающего меня – ну как?

А счастья так и не нашла.

Купила себе квартиру, машину, стала выходить в свет. Тусоваться. Снималась в журналах, клубах, телевизорах, крутила задницей и там, и сям, надувала губки, поправляла грудки, спала с продюсерами и их охранниками, пела, танцевала, на дуде играла, курила и выпивала.

А счастья так и не нашла.

Забилла на все и залезла в бутылку, долго пила и курила, не только табак.

Вылезла из бутылки и уселась на белую полосу.

И вот оно счастье, нет его краше.

Потащило меня, и тащило меня, и тащило, и ни кони, ни птицы ночные, это ангелы были, седые, седые. С крыльями такими белыми-белыми, а глаза, как дыры сквозные черны, ни слезинки, ни радуги, ни ветерка. Кто вы, спрашиваю их, а они – счастье, мол, и с потолка ко мне на кровать. Один говорит – ногти бы надо постричь на ногах и покрасить, хоть луковичной шелухой, а второй говорит – и волосы бы не мешало побрить безопасным станком. Я лежу и молчу, мне спокойно как-то с ними, не в пример всем остальным. Они меня не напрягают, один ногти стрижет, а другой волосы бреет. Сколько лет это продолжалось, трудно сказать, но однажды я проснулась, а их и след простыл.

На душе пусто стало, одиноко и тоскливо, смотрю в зеркало, а там никто не отражается. Наверное, они когда уходи-

ли, меня с собой взяли.

– Даша, ты на грани, – говорит зеркало.

– Кто ты, – спрашиваю я у зеркала, – и к кому обращаешься?

– Это я, зеркало, – отвечает зеркало, – к тебе, к кому же еще.

– Если ты зеркало, значит ты должно отражать, а почему же ты тогда меня не отражаешь?

– Потому что ты стала прозрачной, – сказало задумчивое зеркало.

– Нет! – ответила я, – Я беременна, я беременна ангелом, я это чувствую. У меня растет живот и постоянно тошнит.

– Нет, – сказало циничное зеркало, – это печень твоя растет, а тошнит тебя не из-за беременности, а совсем по иной причине.

– Нет, – ответила я, – я не догадываюсь о другой причине, я беременна, я беременна ангелом, я это чувствую. У меня растет живот и постоянно тошнит.

Ангел родился мертвым, с первых дней появления на свет утратив способность отражаться. Я сожгла его в пепельнице перед зеркалом.

Боже, как я устала. Сон мой был сладок и долг.

Шел 26-й день весеннего месяца апреля. Солнце проснулась в 5 часов 59 минут. Я – в 14.23. В 15. 40 мне уже не нужны были сигареты.

Человечное влагалище

Я наполнилась ожиданием лета. Часы с кукушкой не предвещали ровным счетом ничего, ни романтических встреч под звездами, ни пляжей Коста-Рики, ни загородных прогулок на лошадях. Паруса моих надежд стояли без ветра, легкая меланхолия блестела на них, отражая лучи солнечного света. Мне почему-то дико захотелось кого-нибудь убить. Все равно кого: муху, таракана, кошку, собаку, слона, человека, – не важно. Я наругала себя за это гадкое чувство, набрала ванну, залезла туда и закурила сигарету. Похоронный марш Альбиниони, доносившийся с кухни, подытожил мои размышления, по поводу прочитанного.

«Ангел, размышляющий о человечности влагалища, боже мой, как поэтично» – подумала я.

Когда Марат лежал в ванной, он, должно быть, тоже думал о человечности влагалища, а некая пизда взяла и зарезала его. И Ленин, наверное, только слез с трибуны, шел сквозь народ, заглядывал в их восторженные глаза и думал о человечности влагалища, а меньшевистская пизда взяла и выпустила в него три фалоподобные пули. А я вот лежу в этой убогой ванной, распариваю свое стареющее тело и за всю свою сермяжную жизнь, не зарезала ни одного Марата, не выстрелила ни в одного Ильича. Так и вся жизнь пройдет в заботах о своем человеческом влагалище. Я вылезла

из ванной, оделась и пошла в тату-салон.

– Что вы хотите? – спросил меня дылда современного типа с кольцами в ушах, носу, губе и брови, разукрашенный, как африканский попугай во все цвета радуги.

– Убить кого-нибудь, – сказала я и улыбнулась.

Он насторожился, но, видимо, почуяв свежий запах человечности, источаемый моим влагилицем, заулыбался и предложил мне присесть.

Я присела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.